

Пространственные падежи в быстринском диалекте эвенского языка

А. Д. Ногина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); sashanogina@gmail.com

Т. Б. Казакова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); tanusha.kazakova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются пространственные падежи в быстринском диалекте эвенского языка. Основными задачами являются выявление особенностей их употребления и специфики выражения ориентации и локализации, а также сравнение наших данных с материалами, представленными в работах по другим диалектам эвенского.

Статья также содержит краткий анализ возможных причин существования наблюдаемых различий. Работа основывается на данных, полученных в ходе полевого исследования путем элицитации.

Ключевые слова: локативность, пространственные падежи, ориентация, локализация, диалектные особенности, быстринский диалект, эвенский, тунгусо-маньчжурские языки.

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Locative cases in the Bystraya dialect of Even

A. D. Nogina

HSE University (Moscow, Russia); sashanogina@gmail.com

T. B. Kazakova

HSE University (Moscow, Russia); tanusha.kazakova@gmail.com

Abstract. This paper discusses locative cases in the Bystraya dialect of Even. Our goal is to provide a description of locative cases and their usage in this idiom, as well as to compare them with the peculiarities of expressing orientation and localization found in other Even dialects' descriptions. The paper is based on field materials collected by elicitation with Even and Russian stimuli.

Eight out of the thirteen Even cases can express spatial meanings. For this work, the locative cases were considered in groups corresponding to the four main semantic roles they represent: Place, Path, Source, and Goal. In Standard Even, each case has its own special functions in its group, while in the Bystraya dialect, each of the four groups includes a basic case (i.e. the Locative, the Prolative, the Ablative, and the Directive, respectively) with the most general meaning that can occur in almost all contexts. The remaining cases show different behavior patterns. While some cases behave as presented in grammatical descriptions, others scope over broader contexts, though most preference is still given to the narrower contexts described in the literature. Finally, one case, the Directive-Prolative, is almost out of use in the dialect.

Apart from the differences in distribution, morphonological shifts can occur in the complementary distributed allomorphs of the locative case suffixes. This feature also distinguishes the Standard Even from the Bystraya dialect.

The paper suggests possible explanations for these differences. One is that the distinctive features of this idiom arose due to contacts with other languages of the area. Another possible explanation is a gradual loss of the language and Russianization of the population.

Keywords: locativity, locative cases, orientation, localization, dialect features, Bystraya dialect, Even language, Tungusic languages.

1. Введение

Данная статья посвящена выражению пространственной ориентации и локализации при помощи локативных падежей в быстринском диалекте эвенского языка. Используемые в статье данные были получены в ходе экспедиций в с. Эссо и Анавгай Быстринского р-на Камчатского края в июне — июле 2019 г. и в январе 2020 г.

Описанию эвенского языка посвящено несколько фундаментальных грамматик, однако в них чаще всего представлены обобщенные

данные, не фиксирующие диалектных различий. При этом данные даже по отдельно взятым говорам могут сильно различаться. Существуют работы, рассматривающие черты конкретных диалектов, однако быстринский эвенский в этом плане практически не освещен.

Локализация и ориентация в эвенском языке могут быть выражены именем в одном из пространственных падежей, именем с послелогом или наречием. В статье рассматривается первый способ, а конкретнее — особенности употребления пространственных падежей и микроразличия в семантически близких доменах.

В эвенском языке выделяется тринадцать падежей, восемь из которых могут выражать пространственное значение. Перечень падежей, имеющих пространственные значения, с их условными обозначениями и показателями представлен в *Таблице 1*¹.

Таблица 1. Локативные падежи в эвенском языке

Table 1. Locative cases in Even language

Падеж	Глосса	Показатель
датель	DAT	<i>-du / -tu</i>
локатив	LOC	<i>-la / -le / -dula / -dule / -na / -ne</i>
пролатив	PROL	<i>-li / -duli / (-ni)</i>
директив	DIR	<i>-tki / -taki / -teki</i>
директив-локатив	DLOC	<i>-kla / -kle</i>
директив-пролатив	DPROL	<i>-kli</i>
аблатив	ABL	<i>-duk / -tuk</i>
элатив	ELAT	<i>-gič / -kič / -ŋič</i>

¹ Знаком косой черты разделяются алломорфы.

В скобках представлен алломорф, встречающийся в эвенском согласно описаниям эвенского языка [Цинциус 1947; Malchukov 1995; Мальчуков 2008], но не засвидетельствованный в быстринском диалекте.

Выбор алломорфа определяется морфонологическим контекстом: варианты одного показателя находятся в дополнительной дистрибуции в зависимости от последнего звука основы и гармонии гласных. В исследуемом идиоме нет четкого распределения форм у слов с носовым согласным на конце. Например, форма ‘в море’ (more-LOC) встречается как в виде *nam-na* (со специальным показателем для конечного носового), так и *nam-dula*, причем второй вариант используется чаще. Возможно, дело в аналогии с основами, заканчивающимися на неусеченную² *n* и на суффиксы мн. ч. *-l*, *-r*: с ними употребляется исключительно показатель *-dula* / *-dule*.

Далее будут подробно рассматриваться значения падежей, сгруппированные по четырем основным семантическим локативным ролям: Место, Путь, Источник (начальная точка движения), Цель (конечная точка движения). Идея разделения на различные роли позаимствована из монографии [Мальчуков 2008: 72], однако именно такие названия ролей установлены нами.

2. Место

2.1. Локатив и датив

Для выражения роли Место в быстринском эвенском используются локатив, датив и пролатив.

² В эвенском языке существует два типа основ, заканчивающихся на *n*: *n*-усеченные и *n*-неусеченные. К первому типу относятся основы, у которых на конце был гласный, который впоследствии отпал (усекся). У основ второго типа гласного на конце никогда не было, отсюда название «неусеченная» [Левин 1936].

Локатив и датив в эвенском, как и в большинстве тунгусо-маньчжурских языков [Pakendorf 2013], употребляются в схожих контекстах, и критерии выбора между ними требуют подробного изучения.

Авторы, описывающие диалекты эвенского, наблюдают различные тенденции. В охотском диалекте, согласно монографии В. Д. Лебедева, локатив не употребляется в значении Места, эту роль полностью берет на себя датив [Лебедев 1982: 41]. Для ольского говора К. А. Новикова утверждает: «Обстоятельственное дополнение в дательном падеже употребляется тогда, когда речь идет о каком-то определенном, конкретном месте действия, имея в виду временный характер этого действия» [Новикова 1960: 203]. А. Л. Мальчуков в работе, обобщающей данные эвенского языка по многим диалектам [Мальчуков 2008: 73–74], добавляет к параметру, выделенному К. А. Новиковой, еще два, постулируя, тем самым, следующие критерии выбора:

Таблица 2. Критерии выбора падежа для кодирования Места

Table 2. Case selection criteria for Place encoding

Локатив	Датив
отсутствие контроля субъекта над ситуацией (часто неодушевленное подлежащее)	контроль субъекта над ситуацией (часто одушевленное подлежащее)
постоянный характер локализации	временный характер локализации
бытийный и локативный семантические типы предложения	локативный семантический тип предложения ³

Если представить каждую из строк *Таблицы 2* в виде шкалы, то локатив и датив, по данным Мальчукова, оказываются на разных полюсах. Однако в быстринском эвенском предложения с контекстами, находящимися на противоположных концах шкал, разрешены с обоими падежами:

³ Под локативным типом подразумевается вынесение формы со значением Места в ремю, к примеру, при ответе на вопрос «где?».

- (1) *bi bujuše-d-de-m okre-le / okre-du*⁴
 я охотиться-PROG-NFUT-1SG поляна-LOC поляна-DAT
 ‘Я (сейчас) охочусь на поляне’⁵.
- (2) *d'u illota-Ø-n migdel-dula / migdel-du*
 дом стоять-NFUT-3SG холм-LOC холм-DAT
 ‘Дом стоит на холме’.

В первом примере одушевленное подлежащее — человек; он полностью контролирует ситуацию и находится на поляне только на время охоты. Во втором дом не способен контролировать свое местонахождение, подлежащее неодушевленное, локализация постоянная. При этом в данных примерах тип предложения может быть как бытийным, так и локативным. Несмотря на это, и датив, и локатив возможны в обоих случаях. Носители утверждают, что семантических различий между вариантами не чувствуют.

При этом почти всегда носители первым порождают пример с локативом, датив же признают грамматичным при предъявлении эвенского стимула, так что нельзя утверждать, что датив и локатив равноправны в значении Места.

Несмотря на то, что четкая граница размыта, кажется, что прослеживаются тенденции, соотносящиеся с первыми двумя критериями, выделенными А. Л. Мальчуковым. Поскольку контроль над ситуацией часто соотносится с одушевленностью, рассмотрим две группы имен: ‘люди и животные’ (обычно контролирующие свои перемещения), ‘растения и предметы’ (не контролирующие свое

⁴ Для записи данных эвенского языка используется упрощенная графика, принятая в ходе полевой работы. Графическая запись не является фонетической транскрипцией в строгом смысле, однако отражает часть фонетических особенностей быстринского говора. Долгота не отмечается, потому что фонетическая разница между краткими и долгими гласными у современных носителей, с которыми мы работали, не фиксируется.

⁵ Все примеры без ссылок, приведенные в статье, получены в ходе экспедиций путем элицитации с русского или эвенского стимула. Перевод слов проверялся по словарю [Роббек, Роббек 2005].

местонахождение). Изначально было непонятно, как интерпретировать животных, поскольку типологически с точки зрения одушевленности они могут вести себя по-разному. Однако при анализе полученных данных оказалось, что животные ведут себя так же, как люди, поэтому было принято решение эти две группы объединить.

Ниже представлены *Таблицы 3 и 4*, показывающие частотность каждого из падежей в зависимости от способности субъекта контролировать ситуацию (точнее, от его семантического типа) и от характера локализации (временная / постоянная). Данные представлены как в абсолютных величинах, так и в процентах. Частотность рассчитана по всем элицитированным примерам с формами в дативе и локативе с семантической ролью Место (общее количество — 284 примера).

Таблица 3. Частотность употребления датива и локатива в зависимости от семантического типа субъекта

Table 3. Usage frequency of dative and locative in accordance with the semantic type of the subject

	Датив	Датив (%)	Локатив	Локатив (%)
Люди и животные	51	24	164	76
Растения и предметы	9	13	60	87

Таблица 4. Частотность употребления датива и локатива в зависимости от характера локализации

Table 4. Usage frequency of dative and locative in accordance with the localization type

	Датив	Датив (%)	Локатив	Локатив (%)
Временная локализация	51	25	157	75
Постоянная локализация	9	12	67	88

По представленным данным видно, что в пространственном значении датив используется значительно реже локатива в любых контекстах. Однако в примерах про людей и животных, которые обычно контролируют свое местонахождение, и в случаях, когда это местонахождение временное, датив встречается почти в два раза чаще, чем в противоположных условиях.

Чтобы проверить влияние семантического типа субъекта и характера локализации на употребление того или иного падежа, можно рассчитать по *Таблицам 3 и 4* критерий V Крамера (Cramer's V). Для данных в *Таблице 3* $V = 0,11$, а для данных в *Таблице 4* $V = 0,14$, что говорит о том, что в обоих случаях связь между параметром и выбором падежа есть, но эта связь достаточно слабая. Таким образом, первые два критерия, выделенные А. Л. Мальчуковым, в быстринском идиоме не вполне применимы.

Влияние же семантического типа предложения (третий критерий) нуждается в дальнейшем подробном изучении, поскольку он связан с тема-рематическим членением предложения [Мальчуков 2008: 73–74] и требует наличия широкого контекста для каждого примера.

Помимо тенденций, обсуждаемых выше, было замечено, что в контекстах, где субъект находится не в том месте, где объект, используется локатив. В подобных предложениях многие носители запряцают датив:

- (3) *bi girkad-nikan it-ti-wu oro-m buj-la / *buj-du*
 я идти-CVB.SIM видеть-PST-1SG олень-ACC лес-LOC / лес-DAT
 ‘Я шел [по дороге] и увидел оленя в лесу’.

Стоит отметить еще один фактор, влияющий на выбор падежа.

В случаях, когда локализатором выступает не предмет, а событие, происходящее в определенном месте, не всегда понятно, выражается ли в предложении значение места или времени, потому что оба падежа могут использоваться и для выражения времени: так, датив употребляется с временами года (4), а локатив — с месяцами и днями недели ⁶ (5) [Мальчуков 2008: 76]:

⁶ “Calendar unit names” по [Haspelmath 1997: 26].

- (4) *tugeni-du bi-wat-te-n anŋamta anŋan*
 зима-DAT быть-FREQ-NFUT-3SG новый год
 ‘Зимой бывает Новый год’.
- (5) *bi baku-ri-wu okt’abr-la*
 я родиться-PST-1SG октябрь-LOC
 ‘Я родился в октябре’.

Конкуренция между падежами наблюдается в контекстах, где локализатором выступает событие (6): локатив здесь возможен, но датив предпочтительнее.

- (6) *čaška-w kawal-li-ten sobranie-du / sobranie-la*
 чашка-ACC разбить-PST-3PL собрание-DAT / собрание-LOC
 ‘На собрании разбили чашку’.

По-видимому, слова, обозначающие подобные события, по ведению ближе к временам года, а не к календарным единицам, поскольку их временные рамки можно установить только условно. Фактическая зима не начинается ровно с наступлением первого декабря, снег может пойти раньше, а холода ударить позже. Так же и собрание может быть в любой день и не начинается ровно в назначенное время.

2.2. Пролатив

Форма в пролативе чаще всего обозначает место при условии его множественности. В примере (7) вместо локатива может использоваться пролатив, поскольку речь идет о потенциально неограниченном количестве городов. Семантической разницы между двумя формами носители не чувствуют.

- (7) *bej-l bi-š-∅ gorodo-l-dula / gorodo-l-duli*
 человек-PL быть-NFUT-3PL город-PL-LOC / город-PL-PROL
 ‘Люди живут по городам’.

Также пролатив используется для обозначения места, где происходит неориентированное движение:

- (8) *bej gurge-wči-Ø-n d'u-li*
 человек работа-VBZ-NFUT-3SG дом-PROL
 ‘Человек работает по дому (убирается)’.

Кроме того, употребление пролатива возможно при расположении объекта на протяженном пространстве. В примере (9) подчеркивается вытянутость здания библиотеки вдоль улицы в противовес точечной локализации:

- (9) *ile=nan taŋa-d'ak bi-n-ni? —*
 где=EMPH чтение-NMZ.PLACE быть-NFUT-3SG
taŋa-d'ak Leninskaja ulitsa-li bi-n-ni
 чтение-NMZ.PLACE ленинская улица-PROL быть-NFUT-3SG
 ‘Где находится библиотека? — Библиотека находится на улице Ленина’.

В примере (10) форма в пролативе имплицитно подразумевает, что человек лежит, вытянувшись во всю длину кровати, тогда как форма в локативе означает только его местонахождение на ней:

- (10) *bej desči-d-de-n kojka-li / kojka-le*
 человек лежать-PROG-NFUT-3SG кровать-PROL / кровать-LOC
 ‘Человек лежит на кровати’.

Употребление пролатива в таких контекстах является редким, носители чаще используют локатив с более общим значением.

3. Путь

3.1. Пролатив и директив-пролатив

Объект, обозначающий путь, по которому совершается движение, также маркируется пролативом:

- (11) *girka-ri-wu otaran-duli*
 идти-PST-1SG дорога-PROL
 ‘Я прошел по дороге’.

- (12) *bi ør-rot-te-m škola-tki buj-li*
я уйти-FREQ-NFUT-1SG школа-DIR лес-PROL

‘Я хожу в школу через лес’.

Кроме того, в литературном эвенском языке выделяется директив-пролатив, который используется для обозначения предмета, вдоль которого происходит движение:

- (13) *оран куре-кли тибба-ð-ða-н*
олень ограда-DPROL скакать-PROG-NFUT-3SG

‘Олень бежит вдоль ограды’. [Авак 2018: 24]⁷

Однако в быстринском диалекте директив-пролатив не используется. Большинство информантов утверждают, что не знают такую форму, и предложений с этим падежом не понимают. Только одна носительница согласилась, что фраза со словом в директиве-пролативе может быть грамматична, хотя «так говорят редко». При этом значение, которое она приписывает данной форме, отличается от значения, встречающегося в грамматиках. Она не чувствует разницу между директивом-пролативом и директивом-локативом, который обозначает предмет, до которого совершается перемещение:

- (14) *kuŋa abdu-la-kli / abdu-la-kla øre-d-de-n*
ребенок вещь-PL-DPROL / вещь-PL-DLOC уйти-PROG-NFUT-3SG

Перевод носительницы: ‘Ребенок уходит к месту, где лежат вещи’.

Вместо директива-пролатива в быстринском диалекте используется сочетание имени с послелогом *ølilin* ‘вдоль’:

- (15) *bi bolgit øli-li-n girka-d-da-m*
я кедровник край-PROL-POSS.3SG идти-PROG-NFUT-1SG

Я иду вдоль кедровника’.

Похожая ситуация наблюдается и в эвенских говорах Якутии, например, в догдо-чебогалахском [Лебедев 1978: 47].

⁷ Сохранена орфография источника, поморфемная запись и глоссирование примера наше.

Форма в пролативе в примере (11) также может переводиться как ‘вдоль [дороги]’. Однако, скорее всего, возможность такого перевода обусловлена исключительно семантикой самого слова *otaran* ‘дорога’, которая включает в себя значение обочины. В эвенском полноценного значения ‘предмет, вдоль которого происходит движение’ у пролатива нет, это можно продемонстрировать примером (16а), в котором форма в пролативе означает движение именно по забору, тогда как значение ‘вдоль’ передается только послелогом (16б):

(16) а. *nojan girka-d-da-n zabor-li*
 он-POSS.3SG идти-PROG-NFUT-3SG забор-PROL
 ‘Он идет по забору’.

б. *nojan girka-d-da-n zabor eli-li-n*
 он-POSS.3SG идти-PROG-NFUT-3SG забор край-PROL-POSS.3SG
 ‘Он идет вдоль забора’.

4. Источник

4.1. Аблатив и элатив

Источник может быть выражен при помощи двух падежей: аблатива и элатива. При этом аблативом маркируется конкретная точка, от которой происходит движение, тогда как элатив нейтрален, он имплицитно указывает движение от некоего пространства вокруг точки без обязательного начального присутствия в ней (17)–(18). В случае, когда факт начального присутствия известен, используется только аблатив (19).

(17) *bu it-ti-wun anim buji-gič*
 мы.INC видеть-PST-1PL.EXC⁸ дым лес-ELAT

⁸ В быстринском диалекте утрачивается противопоставление по ключивности. Поэтому часто лично-числовые показатели на глаголе не совпадают с местоимениями по этому параметру.

‘Мы увидели дым со стороны леса’ (неизвестно, был ли дым из леса или просто с его стороны).

- (18) *d'u-la-j* *e-č* *i-re*,
 дом-LOC-POSS.REFL.SG NEG-PTC.PST входить-CVB.NEG

d'u-gič *ər-če*
 дом-ELAT уйти-PTC.PST

‘Домой не заходя, от дома ушел’.

- (19) *Anton im-ni-n* *migdin-duk* / *#migdin-gič*
 Антон приходить-PST-3SG гора-ABL / гора-ELAT

‘Антон пришел с горы (в контексте: Антон был на горе)’.

[#]‘Антон пришел от горы (со стороны горы)’.

Описанные выше особенности согласуются с представленными в литературе [Цинциус 1947: 95; Malchukov 1995: 11; Мальчуков 2008: 74–75].

При элицитации в контекстах, когда семантически допустимы обе формы, первым порождается аблатив. Мы предполагаем, что упоминание начальной точки движения является более естественным, чем упоминание стороны, с которой оно происходит. И, возможно, именно поэтому носители охотно используют аблатив даже в тех случаях, когда нет подтверждения изначального присутствия в точке. Так, многие разрешают аблатив в примере (18).

5. Цель

5.1. Директив и локатив

Для обозначения направления движения используется директив:

- (20) *kuḡa* *er-ri-n* *d'u-duk-i* *škola-tki*
 ребенок уйти-PST-3SG дом-ABL-POSS.REFL.SG школа-DIR

‘Ребенок пошел из дома в школу’.

Помимо директива, Цель может быть выражена локативом, причем, согласно описаниям эвенского языка, контексты употребления этих падежей различаются. А. Л. Мальчуков утверждает, что локатив, в отличие от директива, «имплицитно находит субъекта действия в момент его завершения в конечной точке. (...) Глаголы мгновенного действия (типа *i* - ‘войти’) не могут сочетаться с дополнением в директиве, поскольку они по определению обозначают „результативные“ действия» [Мальчуков 2008: 74].

Однако это утверждение для быстринского эвенского нельзя признать верным, с подобными глаголами носители часто употребляют директив и не чувствуют семантических различий между формами в директиве и в локативе в подобных предложениях:

(21) *bej i-w-re-n d'u-tki mo-w*
 человек войти-AD-NFUT-3SG дом-DIR дрова-ACC
 ‘Человек внес дрова в дом’.

(22) *girkad-nika=n'an zabor-la / zabor-teki*
 ходить-CV.V.SIM=EMPH забор-LOC / забор-DIR
 ‘Он врезался (вошел) в забор’.

Таким образом, директив, как и аблатив, в современном быстринском эвенском становится более базовым падежом: его употребление возможно во всех контекстах со значением Цели, тогда как использование локатива все еще ограничено. Так, в контексте направления без движения (ориентации) может употребляться только директив:

(23) *erek otaran n'amgida-tki*
 это дорога юг-DIR
 ‘Это дорога на юг’.

(24) *noŋan dešči-Ø-n dig-d'i okeš-teki*
 он-POSS.3SG лежать-NFUT-3SG голова-INS окно-DIR
 ‘Он лежит головой к окну’.

5.2. Директив-локатив

Отдельным падежом, выражающим Цель в эвенском, является директив-локатив. Он, в отличие от локатива, имплицитно выражает достижение не конечной точки, а пространства около нее. Это можно проиллюстрировать примером (25а–б), где контекст подразумевает возвращение Леша в дом, а форма в директиве-локативе такого значения выразить не может. Наиболее точным переводом формы в таком падеже на русский является имя с предлогом *до*:

- (25) а. *L'osa miču-d-de-n* *buj-gič d'u-tki / d'u-la*
 Леша возвращаться-PROG-NFUT-3SG лес-ELAT дом-DIR / дом-LOC
 ‘Леша возвращается из леса домой’.
- б. *??L'osa miču-d-de-n* *buj-gič d'u-kla*
 Леша возвращаться-PROG-NFUT-3SG лес-ELAT дом-DLOC
 ‘Леша возвращается из леса до дома’.

6. Заключение

В работе было рассмотрено и проанализировано использование восьми падежей с пространственными значениями в быстринском эвенском. В отличие от эвенского, описанного в грамматиках, с достаточно четким противопоставлением условий употребления всех восьми падежей, в быстринском для каждой из четырех основных семантических ролей (Место, Путь, Источник, Цель) можно выделить один наиболее общий и базовый падеж, который допустим почти в любых контекстах. Так, для роли Место это локатив, для Пути — пролатив, для Источника — аблатив, для Цели — директив. Модели поведения остальных падежей различаются. Одни соответствуют описанному в грамматиках (локатив и директив-локатив в значении Цели, элатив в значении Источника). У других наблюдаются расширенные контексты использования, хотя предпочтительными являются

более узкие, аналогичные представленным в литературе (датель в значении места). К третьей группе, т. е. к не употребляющимся падежам, относится только директив-пролатив.

К отличиям от грамматик также относится потеря строгих морфонологических критериев выбора алломорфа. Так, после основ, заканчивающихся на носовые согласные, ожидаемый алломорф пролатива (*-ni*) не употребляется вообще, а алломорфы локатива (*-na / -ne*) часто заменяются на другие (*-dula / -dule*).

К сожалению, из-за того, что быстринскому идиому посвящен очень небольшой объем литературы, сложно сделать однозначный вывод о происхождении его отличий от других диалектов и описаний в грамматиках. Неясно, являются ли наблюдаемые особенности быстринского идиома произошедшими изменениями, вызванными, например, контактами с языками ареала, или же дело в постепенной утрате языка и русификации населения.

В начале работы упоминалось, что локализация и ориентация в эвенском языке могут быть выражены не только именем в одном из пространственных падежей, но и именем с послелогом. Такой способ выражения сам по себе заслуживает пристального изучения, однако отдельное внимание стоит уделить конкретной группе послелогов, а именно отыменным послелогам. Они интересны тем, что образовались в результате частичной грамматикализации имени в падеже с посессивным суффиксом (таким является послелог *əlilin* в примерах (15) и (166)). Возможно, дальнейшее изучение подобных послелогов и падежей в их составе поможет лучше понять диахронические изменения в падежной системе языка.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; AD — адверсатив-пассив; CVB — деепричастие; DAT — датель; DIR — директив; DLOC — директив-локатив; DPROL — директив-пролатив; ELAT — элатив; EMPH — усилительная частица; EXC — эксклюзив; FREQ — фреквентатив; INC — инклюзив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; NFUT — будущее время; NMZ — номинализация; PL — множественное число; PLACE — место; POSS — посессивность;

PROG — прогрессив; PROL — пролатив; PST — прошедшее время; PTC — причастие; REFL — рефлексивная посессивность; SG — единственное число; SIM — одновременное действие; VBZ — вербализация.

Литература

- Авак 2018 — Р. Н. Авак. Изучение имени существительного в эвенском языке: методические рекомендации для учителя. Петропавловск-Камчатский: Камчатский ИРО, 2018.
- Лебедев 1978 — В. Д. Лебедев. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978.
- Лебедев 1982 — В. Д. Лебедев. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982.
- Левин 1936 — В. И. Левин. Краткий эвенско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936.
- Мальчуков 2008 — А. Л. Мальчуков. Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008.
- Новикова 1960 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Роббек, Роббек 2005 — В. А. Роббек, М. Е. Роббек. Эвенско-русский словарь. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Эвены). Новосибирск: Наука, 2005.
- Цинциус 1947 — В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. М.; Л.: Ленинградское отделение Учпедгиза, 1947.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages. (LINCOS Studies in Theoretical Linguistics 2). München; Newcastle: LINCOS Europa, 1997.
- Malchukov 1995 — A. L. Malchukov. Even. (Languages of the World. Materials 12). München; Newcastle: LINCOS Europa, 1995.
- Pakendorf 2013 — B. Pakendorf. The interplay of language-internal variation and contact influence in language change // I. Léglise, C. Chamoreau (eds.). The Interplay of Variation and Change in Contact Setting. (Studies in Language Variation 12). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 199–227. DOI: 10.1075/silv.12.08pak.

References

- Avak 2018 — R. N. Avak. *Izucheniye imeni sushchestvitelnogo v evenskom yazyke: metodicheskiye rekomendatsii dlya uchitelya* [Study of Noun in the Even

- Language: Guideline for Teachers]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatkan Institute for the Development of Education, 2018.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages*. (LINCOS Studies in Theoretical Linguistics 2). München; Newcastle: LINCOS Europa, 1997.
- Lebedev 1978 — V. D. Lebedev. *Yazyk evenov Yakutii* [Language of Yakutia Evens]. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1978.
- Lebedev 1982 — V. D. Lebedev. *Okhotskiy dialekt evenskogo yazyka* [Okhotskiy Dialect of the Even Language]. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1982.
- Levin 1936 — V. I. Levin. *Kratkiy evensko-russkiy slovar s prilozheniyem grammaticheskogo ocherka* [Short Even-Russian Dictionary with a Supplement of Grammar Sketch]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1936.
- Malchukov 1995 — A. L. Malchukov. *Even*. (Languages of the World. Materials 12). München; Newcastle: LINCOS Europa, 1995.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. *Sintaksis evenskogo yazyka: strukturnyye, semanticheskiye, kommunikativnyye aspekty* [Syntax of the Even Language: Structural, Semantic, Communicative Aspects]. St. Petersburg: Nauka, 2008.
- Novikova 1960 — K. A. Novikova. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka: Olskiy govor* [Essays on the Even Dialects: Olskiy Subdialect]. Pt. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press, 1960.
- Pakendorf 2013 — B. Pakendorf. The interplay of language-internal variation and contact influence in language change. I. Léglise, C. Chamoreau (eds.). *The Interplay of Variation and Change in Contact Setting*. (Studies in Language Variation 12). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 199–227. DOI: 10.1075/silv.12.08pak.
- Robbek, Robbek 2005 — V. A. Robbek, M. E. Robbek. *Evensko-russkiy slovar* [Even-Russian Dictionary]. (Pamyatniki etnicheskoy kultury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka. Eveny). Novosibirsk: Nauka, 2005.
- Tsintsius 1947 — V. I. Tsintsius. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [A Sketch of the Even (Lamut) Language Grammar]. Moscow; Leningrad: Leningrad branch of Uchpedgiz, 1947.